

Безногий и слепой богатыри

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею; у них был сын Иван-царевич, а смотреть-глядеть за царевичем приставлен был Катома-дядька дубовая шапка. Царь с царицею достигли древних лет, заболели и не чают уж выздороветь; призывают Ивана-царевича и наказывают:

— Когда мы погрём, ты во всём слушайся и почитай Катому-дядьку дубовую шапку; станешь слушаться — счастлив будешь, а захочешь быть ослушником — пропадёшь как муха.

На другой день царь с царицею померли; Иван-царевич похоронил родителей и стал жить по их наказу: что ни делает, обо всём с дядькой совет держит. Долго ли, коротко ли — дошёл царевич до совершенных лет и надумал жениться; приходит к дядьке и говорит ему:

— Катома-дядька дубовая шапка! Скучно мне одному, хочу ожениться.

— Что же, царевич! За чем дело стало? Лета твои таковы, что пора и о невесте думать; поди в большую палату — там всех царевен, всех королевен портреты собраны, погляди да выбери: какая понравится, за ту и сватайся.

Иван-царевич пошёл в большую палату, начал пересматривать портреты, и прилась ему по мысли королевна Анна Прекрасная — такая красавица, какой во всём свете другой нет! На её портрете подписано: коли кто задаст ей загадку, а королевна не отгадает, за того пойдёт она замуж; а чью загадку отгадает, с того голова долой. Иван-царевич прочитал эту подпись, раскручинился и идёт к своему дядьке.

— Был я, — говорит, — в большой палате, высмотрел себе невесту Анну Прекрасную; только не ведаю, можно ли её высватать?

— Да, царевич! Трудно её достать; коли один поедешь — ни за что не высватаешь, а возмёшь меня с собой да будешь делать, как я скажу, — может, дело и уладится.

Иван-царевич просит Катому-дядьку дубовую шапку ехать с ним вместе и даёт ему верное слово слушаться его и в горе и в радости.

Вот собрались они в путь-дорогу и поехали сватать Анну Прекрасную королевну. Едут они год, и другой, и третий, и заехали за много земель. Говорит Иван-царевич:

— Едем мы, дядя, столько времени, приближаемся к землям Анны Прекрасной королевны, а не знаем, какую загадку загадывать.

— Ещё успеем выдумать!

Едут дальше; Катом-дядька дубовая шапка глянул на дорогу — на дороге лежит кошелёк с деньгами; сейчас его поднял, высыпал оттуда все деньги в свой кошелёк и говорит:

— Вот тебе и загадка, Иван-царевич! Как приедешь к королевне, загадай ей такими словами: ехали-де мы путём-дорогою, увидали: на дороге добро лежит, мы добро добром взяли да в своё добро положили! Эту загадку ей в жизнь не разгадать; а всякую другую сейчас узнает — только взглянет в свою волшебную книгу; а как узнает, то и велит отрубить тебе голову.

Вот, наконец, приехал Иван-царевич с дядькою к высокому дворцу, где проживала прекрасная королевна; в ту пору-времечко была она на балконе, увидала приезжих и послала узнать: откуда они и зачем прибыли? Отвечает Иван-царевич:

— Приехал я из такого-то царства, хочу сватать за себя Анну Прекрасную королевну.

Доложили о том королевне; она приказала, чтобы царевич во дворец шёл да при всех её думных князьях и боярах загадку загадывал.

— У меня, — молвила, — такой завет положен: если не отгадаю чьей загадки, за того мне идти замуж, а чью отгадаю — того злой смерти предать!

— Слушай, прекрасная королевна, мою загадку, — говорит Иван-царевич, — ехали мы путём-дорогою, увидали — на дороге добро лежит, мы добро добром взяли да в добро положили.

Анна Прекрасная королевна берёт свою волшебную книгу, начала её пересматривать, да отгадки разыскивать; всю книгу перебрала, а толку не добилась.

Тут думные князья и бояре присудили королевне выходить замуж за Ивана-царевича; хоть она и не рада, а делать нечего — стала готовиться к свадьбе. Думает сама с собой королевна: как бы время протянуть да жениха

отбить? И вздумала — утрудить его великими службами. Призывает она Ивана-царевича и говорит ему:

— Милый мой Иван-царевич, муж наречённый! Надо нам к свадьбе изготовиться; сослужи-ка мне службу невеликую: в моём королевстве на таком-то месте стоит большой чугунный столб; перетащи его в дворцовую кухню и сруби в мелкие поленья — повару на дрова.

— Помилуй, королевна! Нешто я приехал сюда дрова рубить? Моё ли это дело! На то у меня слуга есть: Катома-дядька дубовая шапка.

Сейчас призывает царевич дядьку и приказывает ему притащить в кухню чугунный столб и срубить его в мелкие поленья повару на дрова.

Катома-дядька пошёл на сказанное место, схватил столб в охапку, принёс в дворцовую кухню и разбил на мелкие части; четыре чугунных полена взял себе в карман — «для переды годится!»

На другой день говорит королевна Ивану-царевичу:

— Милый мой царевич, наречённый муж! Завтра нам к венцу ехать: я поеду в коляске, а ты верхом на богатырском жеребце; надобно тебе загодя объездить того коня.

— Стану я сам объезжать коня! На то у меня слуга есть.

Призывает Иван-царевич Катому-дядьку дубовую шапку.

— Ступай, — говорит, — на конюшню, вели конюхам вывести богатырского жеребца, сядь на него и объезди; завтра я на нём к венцу поеду.

Катома-дядька смекнул хитрости королевны, не стал долго разговаривать, пошёл на конюшню и велел конюхам вывести богатырского жеребца.

Собралось двенадцать конюхов; отпёрли двенадцать замков, отворили двенадцать дверей и вывели волшебного коня на двенадцати железных цепях. Катома-дядька дубовая шапка подошёл к нему; только успел сесть — волшебный конь от земли отделяется, выше лесу подымается, что повыше лесу стоячего, пониже облака ходячего.

Катома крепко сидит, одной рукой за гриву держится, а другой вынимает из кармана чугунное полено и начинает этим поленом промежду ушей коня осаживать. Избил одно полено, взялся за другое, два избил, взялся за третье, три избил, пошло в ход четвёртое. И так донял он богатырского жеребца, что не выдержал конь, возговорил человеческим голосом:

— Батюшка Катома! Отпусти хоть живого на белый свет. Что хочешь, то и приказывай: всё будет по-твоему!

— Слушай, собачье мясо! — отвечает ему Катома-дядька дубовая шапка. — Завтра поедет на тебе к венцу Иван-царевич. Смотри же: как выведут тебя конюхи на широкий двор да подойдёт к тебе царевич и наложит свою руку — ты стой смирно, ухом не пошевели; а как сядет он верхом — ты по самые щётки в землю подайся да иди под ним тяжёлым шагом, словно у тебя на спине непомерная тягота наложена.

Богатырский конь выслушал приказ и опустилсЯ еле жив на землю. Катома ухватил его за хвост и бросил возле конюшни:

— Эй, кучера и конюхи! Уберите в стойло это собачье мясо.

Дождались другого дня; подошло время к венцу ехать, королевне коляску подали, а Ивану-царевичу богатырского жеребца подвели. Со всех сторон народ сбежался — видимо-невидимо! Вышли из палат белокаменных жених с невестою; королевна села в коляску и дожидается: что-то будет с Иваном-царевичем? Волшебный конь разнесёт его кудри по ветру, размычет его кости по чисту полю. Подходит Иван-царевич к жеребцу, накладывает руку на спину, ногу в стремя — жеребец стоит словно вкопанный, ухом не шевельнёт! Сел царевич верхом — волшебный конь по щётки в землю ушёл; сняли с него двенадцать цепей — стал конь выступать ровным тяжёлым шагом, а с самого пот градом так и катится. «Экий богатырь! Экая сила непомерная!» — говорит народ, глядя на царевича. Перевенчали жениха с невестою; стали они выходить из церкви, взяли друг дружку за руки. Вздумалось королевне ещё раз попытать силу Ивана-царевича, сжала ему руку так сильно, что он не смог выдержать: кровь в лицо кинулась, глаза под лоб ушли. «Так ты этакий-то богатырь, — думает королевна, — славно же твой дядька меня опутал... только даром вам это не пройдёт!»

Живёт Анна Прекрасная королевна с Иваном-царевичем как подобает жене с богоданным мужем, всячески его словами улещает, а сама одно мыслит: каким бы то способом извести Катому-дядьку дубовую шапку; с царевичем без дядьки нетрудно управиться! Сколько ни вымышляла она всяких наговоров, Иван-царевич не поддавался на её речи, всё сожалел своего дядьку. Через год времени говорит он своей жене:

— Любезная моя супружница, прекрасная королевна! Желается мне ехать вместе с тобой в своё государство.

— Пожалуй, поедем; мне самой давно хочется увидеть твоё государство.

Вот собрались и поехали; дядьку Катому за кучера посадили. Ехали-ехали; Иван-царевич заснул дорогою. Вдруг Анна Прекрасная королевна стала его будить да жалобу приносить:

— Послушай, царевич, ты всё спишь — ничего не слышишь! А твой дядька совсем меня не слушает, нарочно правит лошадей на кочки да рытвины — словно извести нас собирается; стала я ему добром говорить, а он надо мной насмехается. Жить не хочу, коли его не накажешь!

Иван-царевич крепко спросонок рассердился на своего дядьку и отдал его на всю волю королевнину: «Делай с ним, что сама знаешь!» Королевна приказала отрубить его ноги. Катом дался ей на поругание. «Пусть, — думает, — пострадаю; да и царевич узнает — каково горе мыкать!»

Отрубили Катоме-дядьке обе ноги. Глянула королевна кругом и увидала: стоит в стороне высокий пенё; позвала слуг и приказала посадить его на этот пенё, а Ивана-царевича привязала на верёвке к коляске, повернула назад и поехала в своё королевство. Катом-дядька дубовая шапка на пне сидит, горькими слезами плачет.

— Прощай, — говорит, — Иван-царевич! Вспомнишь и меня.

А Иван-царевич вприпрыжку за коляскою бежит; сам знает, что маху дал, да воротить нельзя. Приехала королевна Анна Прекрасная в своё государство и заставила Ивана-царевича коров пасти. Каждый день поутру ходит он со стадом в чистое поле, а вечером назад на королевский двор гонит; в то время королевна на балконе сидит и поверяет: все ли счётом коровы? Пересчитает и велит их царевичу в сарай загонять да последнюю корову под хвост целовать; эта корова так уж и знает — дойдёт до ворот, остановится и хвост подымет...

Катом-дядька сидит на пне день, и другой, и третий не пивши, не евши; слезть никак не может, приходится помирать голодною смертию. Невдалеке от этого места был густой лес; в том лесу проживал слепой сильномогучий богатырь; только тем и кормился, что как услышит по духу, что мимо его какой зверь пробежал: заяц, лиса ли, медведь ли — сейчас за ним в погоню; поймаёт — и обед готов! Был богатырь на ногу скор, и ни одному зверю прыскающему не удавалось убежать от него. Вот и случилось так: проскользнула мимо лиса; богатырь услышал да вслед за нею; она добежала до того высокого пня и дала колено в сторону, а слепой богатырь поторопился да с разбегу как ударится лбом о пенё — так с корнем его и выворотил.

Катома свалился на землю и спрашивает:

— Ты кто таков?

— Я — слепой богатырь, живу в лесу тридцать лет, только тем и кормлюся, коли какого зверя поймаю да на костре зажарю; а то б давно помер голодною смертью!

— Неужели ж ты отроду слепой?

— Нет, не отроду; а мне выколола глаза Анна Прекрасная королевна.

— Ну, брат, — говорит Катом-дядька дубовая шапка, — и я через неё без ног остался: обе отрубила проклятая!

Разговорились богатыри промеж собой и согласились вместе жить, вместе хлеб добывать. Слепой говорит безногому:

— Садись на меня да сказывай дорогу; я послужу тебе своими ногами, а ты мне своими глазами.

Взял он безногого и понёс на себе, а Катом сидит, по сторонам поглядывает да знай покрикивает: «Направо! Налево! Прямо!..»

Жили они этак некоторое время в лесу и ловили себе на обед и зайцев, и лисиц, и медведей. Говорит раз безногий:

— Неужли ж нам весь век без людей прожить? Слышал я, что в таком-то городе живёт богатый купец с дочкою, и та купеческая дочь куда как милостива к убогим и увечным! Сама всем милостыню подаёт. Увезём-ка, брат, её! Пусть у нас за хозяйку живёт.

Слепой взял тележку, посадил в неё безногого и повёз в город, прямо к богатому купцу на двор; увидала их из окна купеческая дочь, тотчас вскочила и пошла оделять их милостынею. Подошла к безногому:

— Прими, убоженький, христа ради!

Стал он принимать подаяние, ухватил её за руки да в тележку, закричал на слепого — тот побежал так скоро, что на лошадях не поймать! Купец послал погоню — нет, не догнали. Богатыри привезли купеческую дочь в свою лесную избушку и говорят ей:

— Будь нам вместо родной сестры, живи у нас, хозяйничай; а то нам, увечным, некому обеда сварить, рубашек помыть. Бог тебя за это не оставит!

Осталась с ними купеческая дочь; богатыри её почитали, любили, за родную сестру признавали; сами они то и дело на охоте, а названная сестра завсегда дома: всем хозяйством заправляет, обед готовит, бельё моет.

Вот и повадилась к ним в избушку ходить баба-яга костяная нога и сосать у красной девицы, купеческой дочери, белые груди. Только богатыри на охоту уйдут, а баба-яга тут как тут! Долго ли, коротко ли — спала с лица красная девица, похудела-захирела; слепой ничего не видит, а Катома-дядька дубовая шапка замечает, что дело неладно; сказал про то слепому, и пристали они вдвоём к своей названной сестрице, начали допрашивать, а баба-яга ей накрепко запретила признаваться. Долго боялась она поверить им своё горе, долго крепилась, да, наконец, братья её уговорили, и она все дочиста рассказала: «Всякий раз, как уйдёте вы на охоту, тотчас является в избушку древняя старуха — лицо злющее, волосы длинные, седые — и заставляет меня в голове ей искать, а сама сосёт мои груди белые».

— А, — говорит слепой, — это — баба-яга; погоди же, надо с ней по-своему разделаться! Завтра мы не пойдём на охоту, а постараемся залучить её да поймать...

Утром на другой день богатыри не идут на охоту.

— Ну, дядя безногий, — говорит слепой, — полезай ты под лавку, смиреннько сиди, а я пойду на двор — под окном стану. А ты, сестрица, как придёт баба-яга, садись вот здесь, у этого окна, в голове-то у ней ищи да потихоньку пряди волос отделяй да за оконницу на двор пропускай; я её за седые-то космы и сграбастаю!

Сказано — сделано. Ухватил слепой бабу-ягу за седые космы и кричит:

— Эй, дядя Катома! Вылезай-ка из-под лавки да придержи ехидную бабу, пока я в избу войду.

Баба-яга услышала беду, хочет вскочить, голову приподнять — куда тебе, нет совсем ходу! Рвалась-рвалась — ничего не пособляет! А тут вылез из-под лавки дядя Катома, навалился на неё словно каменная гора, принялся душить бабу-ягу, ажно небо с овчинку ей показалось! Вскочил в избушку слепой, говорит безногому:

— Надо нам теперь развести большой костёр, сжечь её, проклятую, на огне, а пепел по ветру пустить!

Возмолилась баба-яга:

— Батюшки, голубчики! Простите... что угодно, всё вам сделаю!

— Хорошо, старая ведьма! — сказали богатыри. — Покажи-ка нам колодезь с целющей и живущей водою.

— Только не бейте, сейчас покажу!

Вот Катом-дядька дубовая шапка сел на слепого; слепой взял бабу-ягу за косы; баба-яга повела их в лесную трющобу, привела к колодезю и говорит:

— Это и есть целующая и живущая вода!

— Смотри, дядя Катом, — вымолвил слепой, — не давай маху; коли она теперь обманет — ввек не поправимся!

Катом-дядька дубовая шапка сломил с дерева зелёную ветку и бросил в колодезь: не успела ветка до воды долететь, как уж вся огнём вспыхнула!

— Э, да ты ещё на обман пошла!

Принялись богатыри душить бабу-ягу, хотят кинуть её, проклятую, в огненный колодезь. Пуще прежнего возмолилась баба-яга, даёт клятву великую, что теперь не станет хитрить: «Право-слово, доведу до хорошей воды».

Согласились богатыри попытать ещё раз, и привела их баба-яга к другому колодезю. Дядька Катом отломил от дерева сухой сучок и бросил в колодезь: не успел тот сучок до воды долететь, как уж ростки пустил, зазеленел и расцвёл.

— Ну, это вода хорошая! — сказал Катом.

Слепой помочил ею свои глаза — и вмиг прозрел; опустил безногого в воду — и выросли у него ноги. Оба обрадовались и говорят меж собой:

— Вот когда мы поправимся! Всё своё воротим, только наперёд надо с бабой-ягой порешить; коли нам её теперь простить, так самим добра не видать — она всю жизнь будет зло мыслить!

Воротились они к огненному колодезю и бросили туда бабу-ягу: так она и сгинула!

После того Катом-дядька дубовая шапка женился на купеческой дочери, и все трое отправились они в королевство Анны Прекрасной выручать Ивана-царевича. Стали подходить к столичному городу, смотрят: Иван-царевич гонит стадо коров.

— Стой, пастух! — говорит Катом-дядька. — Куда ты этих коров гонишь?

Отвечает ему царевич:

— На королевский двор гоню; королевна всякий раз сама поверяет, все ли коровы.

— Ну-ка, пастух, на тебе мою одёжу, надевай на себя, а я твою надену и коров погоню.

— Нет, брат, этого нельзя сделать; коли королевна уведает — беда мне будет!

— Не бойся, ничего не будет! В том тебе порука Катома-дядька дубовая шапка!

Иван-царевич вздохнул и говорит:

— Эх, добрый человек! Если бы жив был Катома-дядька, я бы не пас в поле этих коров.

Тут Катома-дядька дубовая шапка сознался ему, кто он таков есть; Иван-царевич обнял его крепко и залился слезами:

— Не чаял и видеть тебя!

Поменялись они своими одёжами; погнал дядька коров на королевский двор. Анна Прекрасная вышла на балкон, поверила, все ли коровы счётом, и приказала загонять их в сарай. Вот все коровы в сарай вошли, только последняя у ворот остановилась и хвост оттопырила. Катома подскочил:

— Ты чего, собачье мясо, дожидаясь? — схватил её за хвост, дёрнул, так и стащил шкуру!

Королевна увидала и кричит громким голосом:

— Что это мерзавец пастух делает? Взять его и привести ко мне!

Тут слуги подхватили Катому и потащили во дворец; он идёт — не отговаривается, на себя надеется. Привели его к королевне; она взглянула и спрашивает:

— Ты кто таков? Откуда явился?

— А я тот самый, которому ты ноги отрубила да на пень посадила; зовут меня Катома-дядька дубовая шапка!

— Ну, — думает королевна, — когда он ноги свои воротил, то с ним мудрить больше нечего! — и стала у него и у царевича просить прощения; покаялась во своих грехах и дала клятву вечно Ивана-царевича любить и во всём слушаться.

Иван-царевич её простил и начал жить с нею в тишине и согласии; при них остался слепой богатырь, а Катома-дядька уехал с своею женою к богатому купцу и поселился в его доме.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был грозный царь — славен во всех землях, страшен всем королям и королевичам. Задумал царь жениться и отдал такой указ по всем городам и сёлам:

— Кто найдёт ему невесту краснее солнца, яснее месяца и белее снегу, того наградит он несметным богатством.

Пошла о том слава по всему царству; от малого до великого все судят, толкуют, а ни единый человек не вызывается отыскать такую красавицу. Недалеко от царского дворца стоял большой пивоваренный завод. Собрался как-то рабочий народ и завёл разговор, что вот-де можно бы много денег от царя получить, да где этакую невесту достать!

— Да, братцы, — говорит один мужик, по имени Никита Колтома, — без меня никому не найти для царя невесты; а коли я возьмусь, так наверно найду!

— Что ты, дурень, расхвастался! Где тебе, к чёрту, это дело сделать? Есть люди знатные, богатые — не нам чета, да и те хвосты прижали! Тебе и во сне этого не приснится, а не то что наяву...

— Да уж там как хотите, а я на себя надеюсь; сказал: достану — и достану!

— Эх, Никита, не хвались! Сам ведаешь, царь у нас грозный; за пустую похвальбу велит казнить тебя.

— Небось не казнит, а деньгами наградит.

Тотчас доложили эти речи самому царю; царь обрадовался и велел представить Никиту перед свои светлые очи. Набежали солдаты, схватили Никиту Колтому и потащили во дворец; а товарищи ему вслед кричат: «Что, брат, договорился? Ты думаешь с царём шутки шутить! Ну-ка ступай теперь на расправу!» Приводят Никиту в большие палаты; говорит ему грозный царь:

— Ты, Никита, похваляешься, что можешь достать мне невесту краше солнца, ясней месяца и белее снегу?

— Могу, ваше величество!

— Хорошо, братец! Коли ты мне заслужишь — награжу тебя казною несметною и поставлю первым министром; а коли соврал — то мой меч, твоя голова с плеч!

— Рад стараться, ваше величество! Прикажите наперёд погулять мне один месяц.

Царь на это был согласен и дал Никите открытый лист за своим подписом, чтобы во всех трактирах и харчевнях отпускали ему безденежно всякие напитки и кушанья.

Никита Колтома пошёл по столице гулять: в какой трактир ни зайдёт — только покажет открытый лист, тотчас несут ему всё, чего душа требует. Гуляет он день, два и три, гуляет неделю, и другую, и третью; вот и срок вышел. Время к царю являться; попрощался Никита с своими приятелями, приходит во дворец и просит у царя собрать ему двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос и голос в голос, да приготовить ещё тринадцать белотканых шатров с золотыми узорами. У царя живо готово: вмиг собраны молодцы, и шатры поделаны.

— Ну, ваше величество, — говорит Никита, — теперь собирайтесь да поедемте за невестою.

Оседлали они своих добрых коней, навьючили шатры; после того отслужили напутственный молебен, простились с градскими жителями, сели на коней и поскакали — только пыль столбом!

Едут день, и два, и три — стоит в чистом поле кузница. Говорит Никита:

— Поезжайте с богом прямо, а я пока забегу в кузницу да закурю трубку.

Входит в кузницу, а в ней пятнадцать кузнецов железо куют, молотами постукивают.

— Бог помочь, братцы!

— Спасибо, добрый человек!

— Сделайте мне прут в пятнадцать пуд.

— Сделать-то мы не прочь, да кто станет железо поворачивать? Пятнадцать пуд — не шутка!

— Ничего, братцы! Вы бейте молотами, а я стану поворачивать.

Кузнецы принялись за работу и сковали железный прут в пятнадцать пуд. Никита взял этот прут, вышел в поле, подбросил его вверх на пятнадцать сажон и подставил свою руку: железный прут упал ему на руку, богатырской крепости не выдержал — пополам переломился. Никита Колтома заплатил кузнецам за труды, бросил им изломанный прут и уехал.

Нагоняет своих товарищей; едут они ещё три дня — опять стоит в чистом поле кузница.

— Поезжайте вперёд, а я зайду в кузницу, — говорит Никита.

Вошёл в кузницу, а в ней двадцать пять кузнецов железо куют, молотами постукивают.

— Бог помочь, ребята!

— Спасибо, добрый человек!

— Скуйте мне прут в двадцать пять пуд.

— Сковать — неважное дело, да где тот силач, что столько железа ворочать будет?

— Я сам буду ворочать.

Взял он двадцать пять пуд железа, раскалил докрасна и стал на наковальне поворачивать, а кузнецы знай молотами бьют. Сделали прут в двадцать пять пуд. Никита взял тот железный прут, вышел в поле, подкинул его вверх на двадцать пять сажон и поставил свою руку. Прут ударился о богатырскую руку и разломился надвое.

— Нет, не годится! — сказал Никита, заплатил за работу, сел на коня и уехал. Нагоняет своих товарищей.

Едут они день, другой и третий — опять стоит в чистом поле кузница. Говорит Никита товарищам:

— Поезжайте вперёд, а я зайду в кузницу — трубку закурю.

Вошёл в кузницу, а в ней пятьдесят кузнецов старика мучают: на наковальне седой старик лежит, десять человек держат его клещами за бороду, а сорок молотами по бокам осаживают.

— Братцы, помилуйте! — кричит старик во весь голос. — Отпустите душу на покаяние!

— Бог помочь! — говорит Никита.

— Спасибо, добрый человек! — отвечают кузнецы.

— За что вы старика мучаете?

— А вот за что: должен он нам всем по рублю, да не отдаёт; как же не бить его?

— Экий несчастный, — думает Никита, — за пятьдесят рублёв да этакую казнь принимает.

И говорит кузнецам:

— Послушайте, братцы, я вам за него плательщик, отпустите старика на волю.

— Изволь, добрый человек! Для нас всё равно — с кого ни получить, лишь бы деньги были.

Никита Колтома вынул пятьдесят рублёв; кузнецы взяли деньги и только выпустили старика из железных клещей — как он в ту же минуту с глаз пропал! Смотрит Никита:

— Да куда же он девался?

— Вона! Ищи его теперь, — говорят кузнецы, — ведь он — колдун!

Заказал Никита сковать железный прут в пятьдесят пуд; взял его, подбросил вверх на пятьдесят сажон и подставил свою руку: прут выдержал, не изломался.

— Вот этот годится, — сказал Никита и поехал догонять товарищей. Вдруг слышит позади себя голос:

— Никита Колтома, стой!

Оглянулся назад и видит — бежит к нему тот самый старик, которого он от казни выкупил.

— Спасибо тебе, добрый человек, — говорит старик, — что ты меня от злой муки избавил. Ведь я ровно тридцать лет терпел этакое горе! Вот тебе на память подарок: возьми — пригодится.

И даёт ему шапку-невидимку: «Только надень на голову — никто тебя не увидит!» Никита взял шапку-невидимку, поблагодарил старика и поскакал дальше. Нагнал своих товарищей, и поехали все вместе.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — подъезжают они к одному дворцу. Кругом тот дворец обнесён высокою железною оградой: ни войти на двор, ни въехать добрым молодцам. Говорит грозный царь:

— Ну, брат Никита, ведь дальше нам ходу нет.

Отвечает Никита Колтома:

— Как не быть ходу, ваше величество! Я всю вселенную изойду, а вам невесту найду. Этая ограда нам не удержит... Ну-ка, ребята, ломайте ограду, делайте ворота на широкий двор.

Добрые молодцы послезали с коней, принялись за ограду, только что ни делали — не могли сломать: стоит ограда, не рушится.

— Эх, братцы, — говорит Никита, — всё-то вы мелко плаваете, нечего на вас мне надеяться, приходится самому хлопотать.

Соскочил Никита с своего коня, подошёл к ограде, ухватился богатырскими руками за решётку, дернул раз — и повалил всю ограду наземь. Въехали грозный царь и добрые молодцы на широкий двор и там на зелёном лугу разбили свои шатры белотканые с золотыми узорами; закусили чем бог послал, легли спать и с устатку заснули крепким сном. Всем по шатру досталось; только нет шатра Никите Колтоме. Отыскал он три рогожи дырявые, сделал себе шалаш, лёг на голой земле, а спать не спит, дожидается, что будет.

На заре на утренней проснулась в своём тереме царица Елена Прекрасная, выглянула в косячатое окошечко и усмотрела: стоят на зелёном лугу тринадцать белотканых шатров, золотыми цветами вышиты, а впереди всех стоит шалаш — из рогож сделан.

— Что такое? — думает царица. — Откуда эти гости понаехали?

Глядь — а железная ограда разломана; крепко разгневалась Елена Прекрасная, призывает к себе сильномогучего богатыря и приказывает:

— Сейчас на коня садись, поезжай к этим шатрам и предай всех ослушников смерти; трупы за ограду повыбросай, а шатры ко мне представь.

Сильномогучий богатырь оседлал своего доброго коня, оделся в доспехи воинские и напускается на незваных гостей. Усмотрел его Никита Колтома, стал спрашивать:

— Кто едет?

— А ты что за невежа, спрашиваешь?

Те слова Никите не показались, выскочил он из своего шалаша, ухватил богатыря за ногу и стащил с лошади на сырую землю, поднял железный прут в пятьдесят пуд, отвесил ему единый удар и говорит:

— Теперь ступай к своей царице обратно да скажи ей, чтобы долго не спесивилась, своего бы войска не тратила, а выходила бы замуж за нашего грозного царя.

Богатырь поскакал назад — рад, что Никита живого его на свет пустил!
Приехал во дворец и рассказывает царевне:

— Это на ваш двор заехали непомерные силачи, сватают вас за своего грозного царя и велели мне говорить, чтоб вы не спесивились, понапрасну войска не тратили, а выходили бы за того царя замуж.

Как услышала Елена Прекрасная такие смелые речи, тотчас взволновалась, созвала всех своих сильномогучих богатырей и стала приказывать:

— Слуги мои верные! Соберите войско несметное, разорите шатры белотканые, избежите незваных гостей, чтоб и праху ихнего не было!

Сильномогучие богатыри, долго не думавши, собрали войско несметное, сели на своих богатырских коней и понеслись на шатры белотканые с золотыми узорами. Только поравнялись с рогожаным шалашиком, выскочил перед ними Никита Колтома, взял свой железный прут в пятьдесят пуд и начал им в разные стороны помахивать; в короткое время перебил всё войско и сильномогучих богатырей, только одного богатыря в живых оставил.

— Поезжай, — говорит, — к своей царевне Елене Прекрасной да скажи ей, чтоб она больше войска не тратила; нас войском не испугаешь! Теперь я с вами один сражался; что же будет с вашим царством, как проснутся мои товарищи? Камня на камне не оставим, всё по чисту полю разнесём!

Богатырь воротился к царевне, рассказал, что войско побито, что на таких витязей никакой силы не хватит. Елена Прекрасная послала звать грозного царя во дворец, да тут же приказала каленую стрелу изготовить; а сама вышла встречать гостей с ласкою, с честью. Идёт царевна навстречу, а за ней пятьдесят человек лук и стрелу несут. Никита Колтома увидел богатырский лук, тотчас догадался, что тою стрелою хотят их потчевать, надел на голову шапку-невидимку, подскочил, натянул лук и направил стрелу в царевнины терема — в одну минуту весь верхний этаж сшиб! Нечего делать, берёт Елена Прекрасная грозного царя за руку, ведёт в белокаменные палаты, сажает за столы дубовые, за скатерти браные; стали пить, есть, веселиться. В палатах убранство чудное: весь свет обойти, такого нигде не найдёшь.

После обеда говорит Никита грозному царю:

— Нравится ли вашему величеству невеста? Аль за другою ехать?

— Нет, Никита, нечего попусту ездить; лучше этой в белом свете нет!

— Ну и женитесь; теперь она в ваших руках. Да смотрите, ваше величество, не плошайте: первые три ночи станет она вашу силу пытаться, наложит свою руку и станет крепко-крепко давить; вам ни за что не стерпеть! В те поры уходите поскорей из комнаты, а я на ваше место приду и живо её усмирю.

Вот и принялись за свадьбу; у царей ни мёд варить, не вино курить — всё готово. Сыграли свадьбу, и пошёл грозный царь с Еленой Прекрасною опочив держать. Лёг на мягкую постель и притворился, будто спать хочет. Елена Прекрасная наложила ему на грудь свою руку и спрашивает:

— Тяжела ли моя рука?

— Так тяжела, как перо на воде! — отвечает грозный царь, а сам еле дух переводит: так ему грудь сдавило!

— Постой-ка, Елена Прекрасная: ведь я позабыл назавтра приказ отдать, надо теперь пойти...

Вышел из спальни, а у дверей Никита стоит:

— Ну, братец, правду ты сказал; чуть-чуть меня совсем не удушила.

— Ничего, ваше величество! Постойте здесь, я это дело сделаю, — сказал Никита, пошёл к царевне, лёг на постель и захрапел.

Елена Прекрасная подумала, что то грозный царь воротился, наложила на него свою руку, давила-давила — нет толку! Наложил обе руки и ну давить пуще прежнего... А Никита Колтома ухватил её, будто во сне, да как бросит об пол — все терема так и затряслись! Царевна поднялась, легла потихоньку и заснула. Тут Никита встал, вышел к царю и говорит:

— Ну, теперь смело ступайте, до другой ночи ничего не будет!

Вот так-то, с помощью Никиты Колтомы, отбыл грозный царь три первые ночи и стал жить со своею царевною Еленой Прекрасною, как следует мужу с женою.

Ни много, ни мало прошло времени, узнала Елена Прекрасная, что грозный царь её обманом взял, что сила у него не великая, что люди над нею насмеются: Никита-де с царевною три ночи спал! Страшно она озлобилась и затаила на сердце жестокую месть. Вздумал царь в своё государство ехать, говорит Елене Прекрасной:

— Полно нам здесь проживать, пора и домой побывать; собирайся-ка в дорогу.

И собрались они морем ехать; нагрозили корабль разными драгоценными вещами, сели и пустились по морю. Плынут день, и другой, и третий; царь весел, не нарадуется, что везёт к себе царевну краше солнца, ясней месяца, белей снега; а Елена Прекрасная свою думу думает: как бы отплатить за обиду. На ту пору одолел Никиту богатырский сон, и уснул он на все на двенадцать суток. Как увидела Елена Прекрасная, что Никита богатырским сном спит, тотчас кликнула своих верных слуг, приказала отрубить ему ноги по колена, после положить его в шлюпку и пустить в открытое море. Тут же при её глазах отрубили сонному Никите ноги по колена, положили в шлюпку и пустили в море. На тринадцатые сутки пробудился бедный Никита, смотрит — кругом вода, сам без ног лежит, а корабля и след простыл...

Между тем корабль плыл да плыл; вот и пристань. Загремели пушки, сбежались горожане, и купцы, и бояре, встречают царя хлебом-солью, поздравляют с законным браком. Царь начал пиры пировать, гостей созывать; а про Никиту и думать позабыл. Да недолго пришлось ему веселиться; Елена Прекрасная скоро лишила его царства, стала всем сама заправлять, а его заставила свиней пасти. Не уходилось и этим царевнино сердце: приказала по всем сторонам розыск учинить, не остались ли где у Никиты Колтомы родичи? Коли кто найдётся, того во дворец представить. Поскакали гонцы, начали всюду разыскивать и нашли родного брата Никиты — Тимофея Колтому; взяли его, привезли во дворец.

Царевна Елена Прекрасная приказала выколоть ему глаза и потом выгнать вон из города. В ту ж минуту выкололи Тимофею глаза, вывели его за город и оставили в чистом поле. Потащился слепой ощупью: шёл-шёл и пришёл на взморье; ступил ещё шаг-другой и чует — под ногами вода; остановился, стоит на одном месте — ни взад, ни вперед — боится идти. Вдруг принесло к берегу шлюпку с Никитою. Увидал Никита человека, обрадовался и подаёт ему голос:

— Эй, добрый человек! Помоги мне на землю выйти.

Отвечает слепой:

— Рад бы тебе пособить, да не могу; я сам без глаз — ничего не вижу.

— Да ты откуда, и как тебя по имени зовут?

— Я — Тимофей Колтома; выколола мне глаза новая царица, Елена Прекрасная, и выгнала из своего царства.

— Ах, да ведь ты мне брат родной; я — Никита Колтома. Ступай же ты, Тимоша, в правую сторону — там растёт высокий дуб; вывори этот дуб, притащи сюда и брось с берега на воду: я по нём к тебе вылезу.

Тимофей Колтома повернул направо, сделал несколько шагов, нащупал высокий старый дуб, обхватил его обеими руками и сразу выворотил с корнем, приволок тот дуб и бросил в воду; одним концом на земле легло дерево, а другим возле шлюпки угодило. Никита выкарабкался кое-как на берег, поцеловался с своим братом и говорит:

— Как-то теперь наш грозный царь поживает?

— Эх, брат, — отвечает Тимофей Колтома, — наш грозный царь теперь в великом несчастье: пасёт свиней в поле, каждое утро получает фунт хлеба, кружку воды да три розги в спину.

После того стали они разговаривать, как им жить и чем кормиться?

Говорит Никита:

— Слушай, брат, мой совет! Ты меня носить будешь, потому что я без ног; а я на тебе сидеть буду да сказывать, в какую сторону идти надо.

— Ладно! Быть по-твоему: хоть оба увечные, а двое за одного здорового сойдём.

Вот Никита Колтома сел своему брату на шею и стал дорогу показывать; Тимофей шёл-шёл и пришёл в дремучий лес. В том лесу стоит избушка бабы-яги. Вошли братья в избушку — нет ни души.

— А ну-ка, брат, — говорит Никита, — пощупай-ка в печке: нет ли еды какой?

Тимофей полез в печку, вытащил оттуда всяких кушаньев, поставил на стол, и начали они оба уписывать, с голоду всё начисто приели. После того стал Никита избушку оглядывать; увидел на окошке небольшой свисток, взял его, приложил к губам и давай насвистывать. Смотрит: что за диво? Слепой брат пляшет, изба пляшет, и стол, и лавки, и посуда — всё пляшет! Горшки вдребезги поразбивались!

— Полно, Никита! Перестань играть, — просит слепой, — сил моих не хватает больше!

Никита перестал насвистывать и в ту ж минуту всё приутихло.

Вдруг отворяется дверь, входит баба-яга и кричит громким голосом:

— Ах вы, бродяги бездомные! Доселева тут птица не пролётывала, зверь не прорыскивал, а вы забрались, все кушанья приели, все горшки перебили. Хорошо же, вот я с вами разделаюсь!

Отвечает Никита:

— Молчи, старое стерво! Мы и сами сумеем разделаться. Эй, брат Тимоха, поддержи её, ведьму, да покрепче!

Тимофей схватил бабу-ягу в охапку, стиснул крепко-накрепко, а Никита сейчас её за косы и давай по избе возить.

— Батюшки! Не бейте, — просится баба-яга, — я вам сама в пригоде буду: что хотите, всё вам достану.

— А ну, старая, говори: можешь ли достать нам целующей и живущей воды? Коли достанешь, пущу живую на белый свет; а нет, так лютой смерти предам.

Баба-яга согласилась и привела их к двум родникам: «Вот вам целующая, а вот и живущая вода!» Никита Колтома почерпнул целующей воды, облил себя — и выросли у него ноги: ноги совсем здоровые, а не двигаются. Почерпнул он живущей воды, помочил ноги — и стал владеть ими. То же было и с Тимофеем Колтомою; помазал он глазные ямки целующей водой — появились у него очи, совсем-таки невредимые, только ничего не видят; помазал их живущей водой — и стал видеть лучше прежнего. Поблагодарили братья старуху, отпустили её домой и пошли выручать грозного царя из беды-напасти.

Приходят в столичный город и видят — грозный царь перед самым дворцом свиней пасёт. Никита Колтома заиграл в свисток; и пастух и свиньи пошли плясать. Елена Прекрасная увидала это из окошечка, осердилась и тотчас приказала принести пуки розог и высечь и пастуха и музыканта. Прибежала стража, схватила их и повела во дворец угощать розгами. Никита Колтома как пришёл во дворец к Елене Прекрасной, не захотел долго мешкать, схватил её за белые руки и говорит:

— Узнаёшь ли меня, Елена Прекрасная? Ведь я — Никита Колтома. Теперь, грозный царь, она в твоей воле; что захочешь, то и сделаешь!

Грозный царь приказал её расстрелять, а Никиту сделал своим первым министром, всегда его почитал и во всём слушался.

200

Задумал царевич жениться, и невеста есть на примете — прекрасная царевна, да как достать её? Много королей и королевичей и всяких богатырей её сватали, да ничего не взяли, только буйные головы на плахе сложили; и теперь ещё торчат их головы на ограде вокруг дворца гордой невесты. Закручинился, запечалился царевич; не ведает, кто бы помог ему? А тут и

выискался Иван Голый — мужик был бедный, ни есть, ни пить нечего, одежда давно с плеч свалилася. Приходит он к царевичу и говорит:

— Самому тебе не добыть невесты, и коли один поедешь свататься — буйну голову сложишь! А лучше поедem вместе; я тебя из беды выручу и всё дело устрою; только обещай меня слушаться!

Царевич обещал ему исполнять все его советы, и на другой же день отправились они в путь-дорогу.

Вот и приехали в иное государство и стали свататься. Царевна говорит:

— Надо наперёд у жениха силы пытаться.

Позвала царевича на пир, угостила-употчевала; после обеда начали гости разными играми забавляться.

— А принесите-ка моё ружьё, с которым я на охоту езжу, — приказывает царевна.

Растворились двери — и несут сорок человек ружьё не ружьё, а целую пушку.

— Ну-ка, наречённый жених, выстрели из моего ружьяца.

— Иван Голый, — крикнул царевич, — посмотри, годится ли это ружьё?

Иван Голый взял ружьё, вынес на крылечко, пнул ногою — ружьё полетело далеко-далеко и упало в сине море.

— Нет, ваше высочество! Ружьё ледащее, куда из него стрелять такому богатырю! — докладывает Иван Голый.

— Что ж это, царевна? Али ты надо мной смеёшься? Приказала принести такое ружьё, что мой слуга ногой пнул — оно в море упало!

Царевна велела принести свой лук и стрелу.

Опять растворились двери, сорок человек лук со стрелой принесли.

— Попробуй, наречённый жених, пусти мою стрелку.

— Эй, Иван Голый! — закричал царевич. — Посмотри, годится ли лук для моей стрельбы?

Иван Голый натянул лук и пустил стрелу: полетела стрела за сто верст, попала в богатыря Марка Бегуна и отбила ему обе руки. Закричал Марко Бегун богатырским голосом:

— Ах ты, Иван Голый! Отшиб ты мне обе руки; да и тебе беды не миновать!

Иван Голый взял лук на колено и переломил надвое:

— Нет, царевич! Лук ледащий — не годится такому богатырю, как ты, пускать с него стрелы.

— Что же это, царевна? Али ты надо мной потешаешься? Какой лук дала — мой слуга стал натягивать да стрелу пускать, а он тут же пополам изломился?

Царевна приказала вывести из конюшни своего ретивого коня.

Ведут коня сорок человек, едва на цепях сдержать могут: столь зол, неукротим!

— Ну-ка, наречённый жених, прогуляйся на моём коне; я сама на нём каждое утро катаюсь.

Царевич крикнул:

— Эй, Иван Голый! Посмотри, годится ли конь под меня?

Иван Голый прибежал, начал коня поглаживать, гладил-гладил, взял за хвост, дернул — и всю шкуру содрал.

— Нет, — говорит, — конь ледащий! Чуть-чуть за хвост пошевелил, а с него и шкура слетела.

Царевич начал жаловаться:

— Эх, царевна! Ты всё надо мной насмешку творишь; вместо богатырского коня клячу вывела.

Царевна не стала больше пытаться царевича и на другой день вышла за него замуж. Обвенчались они и легли спать; царевна положила на царевича руку — он еле выдержать смог, совсем задыхаться стал. «А, — думает царевна, — так ты этаким богатырь! Хорошо же, будете меня помнить».

Через месяц времени собрался царевич с молодой женою в своё государство ехать. Ехали день, и два, и три, и остановились лошадям роздых дать. Вылезла царевна из кареты, увидала, что Иван Голый крепко спит, тотчас отыскала топор, отсекла ему обе ноги, потом велела закладывать лошадей, царевичу приказала на запятки стать и воротилась назад в своё царство; а Иван Голый остался в чистом поле.

Вот однажды пробежал по этому полю Марко Бегун, увидел Ивана Голого, побратался с ним, посадил его на себя и пустился в дремучий, тёмный лес.

Стали богатыри в том лесу жить, построили себе избушку, сделали тележку, добыли ружьё и зачали за перелётной птицей охотиться. Марко Бегун тележку возит, а Иван Голый сидит в тележке да птиц стреляет: той дичиною круглый год питались.

Скучно им показалось, и выдумали они украсть где-нибудь девку от отца, от матери; поехали к одному священнику и стали просить милостыньку. Поповна вынесла им хлеба и только подошла к тележке, как Иван Голый ухватил её за руки, посадил рядом с собой, а Марко Бегун во всю прыть побежал, и через минуту очутились они дома в своей избушке. «Будь ты, девица, нам сестрицею, готовь нам обедать и ужинать да за хозяйством присматривай». Жили они втроем тихо и мирно, на судьбу не жаловались.

Раз как-то отправились богатыри на охоту, целую неделю домой не бывали, а воротившись — едва свою сестру узнали: так она исхудала!

— Что с тобой сделалось? — спрашивают богатыри.

Она в ответ рассказала им, что каждый день летает к ней змей; оттого и худа стала.

— Пстой же, мы его поймем!

Иван Голый лёг под лавку, а Марко Бегун спрятался в сенях за двери. Прошло с полчаса, вдруг деревья в лесу зашумели, крыша на избе пошатнулася — прилетел змей, ударился о сырую землю и сделался добрым молодцем, вошёл в избушку, сел за стол и требует закусить чего-нибудь. Иван Голый ухватил его за ноги, а Марко Бегун навалился на змея всем туловищем и стал его давить; порядком ему бока намял!

Притащили они змея к дубовому пню, раскололи пень надвое, защемили там его голову и начали стегать прутьями. Просится змей:

— Отпустите меня, сильномогучие богатыри! Я вам покажу, где мертвая и живая вода.

Богатыри согласились. Вот змей привёл их к озеру; Марко Бегун обрадовался, хотел было прямо в воду кинуться, да Иван Голый остановил.

— Надо прежде, — говорит, — испробовать.

Взял зелёный прут и бросил в воду — прут тотчас сгорел. Принялись богатыри опять за змея; били его, били, едва жива оставили. Привёл их змей к другому озеру; Иван Голый поднял гнилушку и бросил в воду — она тотчас пустила ростки и зазеленела листьями. Богатыри кинулись в это озеро, искупались и

вышли на берег молодцы молодцами; Иван Голый с ногами, Марко Бегун с руками. После взяли змея, притащили к первому озеру и бросили прямо вглубь — только дым от него пошёл!

Воротились домой; Марко Бегун был стар, отвёз поповну к отцу, к матери и стал жить у этого священника, потому что священник объявил ещё прежде: кто мою дочь привезёт, того буду кормить и поить до самой смерти. А Иван Голый добыл богатырского коня и поехал искать своего царевича. Едет чистым полем, а царевич свиней пасёт.

— Здорово, царевич!

— Здравствуй! А ты кто такой?

— Я Иван Голый.

— Что ты завираешься! Если б Иван Голый жив был, я бы не пас свиней.

— И то конец твоей службе!

Тут они поменялись одеждою; царевич поехал вперёд на богатырском коне, а Иван Голый вслед за ним свиней погнался. Царевна увидала его, выскочила на крыльцо:

— Ах ты, неслух! Кто тебе велел свиней гнать, когда ещё солнце не село? — и стала приказывать, чтобы сейчас же взяли пастуха и выдрали на конюшне.

Иван Голый не стал дожидаться, сам ухватил царевну за косы и до тех пор волочил её по двору, пока не покаялась и не дала слова слушаться во всём мужа. После того царевич с царевною жили в согласии долгие годы, и Иван Голый при них служил.